

© 1993 г. ШМИДТ К.Х.

КАРТВЕЛЬСКИЙ И АРМЯНСКИЙ

Тема, о которой здесь пойдет речь, относится к ареальной лингвистике. Это вопрос о том, в какой степени южнокавказский картвельский и индоевропейский армянский языки влияли друг на друга в древнейший период своего развития. Сама по себе эта проблематика не нова: на основе своей теории, согласно которой наряду с семитами и индоевропейцами носители яфетических языков представляли собой "третий этнический элемент" в развитии средиземноморской культуры [1, с. 417], Н.Я. Марр (1864—1934) определял армянский язык как смешанный, как "образец особого яфетическо-индоевропейского скрещения" [1, с. 417]: "Я имею в виду ядро реального армянского языка, возникшего на почве исторической Армении. Само ядро двуродное... В армянском с индоевропейским слоем неразрывно слит осадок какой-то неизвестной лингвистической семьи" [2, с. XXXI]. Поскольку, согласно теории Марра, картвельские языки (наряду с севернокавказскими группами, баскским, этрусским, пеласгским, урартским и др.) отнесены к так называемой яфетической семье языков, эта цитата указывает на особенно тесную связь между картвельским и армянским. В противовес яфетической теории, представляющей теперь по преимуществу лишь исторический интерес, новаторское исследование Деетерса об армянском и южнокавказских языках [3] и сейчас еще в некоторой степени не утратило своего значения.

Деетерс соглашается с положением о том, "что армянская иммиграция происходила не как внезапное завоевание, а как постепенное заселение, причем аборигены еще долгое время сохранялись в периферийных областях" [3, № 3, с. 43]. Он стремится "доказать, что это постепенно арменизированное исконное население, внесшее новые звуковые тенденции в армянский язык, принадлежало к южнокавказской группе кавказских народов" [3, № 3, с. 43]. Используемый метод основан на двух предпосылках: а) на взаимном обособлении индоевропейских и неиндоевропейских признаков армянского языка; б) на сопоставлении черт, необъяснимых с индоевропейскими позициями, с фонологией и грамматикой южнокавказских языков, особенно грузинского, мегрельского и лазского и в несколько меньшей степени сванского. Деетерс, различающий два типа смешанных языков: а) образовавшиеся "в результате заимствования — смешанный тип 3"; б) появившийся "вследствие смены языка — смешанный тип С" [3, № 4, с. 57], определяет армянский язык как смешанный язык "в двойном смысле" [3, № 4, с. 61]: "смешанным языком 3 он является в отношении иранского — сирийский и греческий, напротив, совершенно отходят на задний план" [3, № 4, с. 61]. И наоборот, фонологические и грамматические совпадения с картвельскими языками объясняются как явления "смены языка", "смешанного языка С" — доармянским картвельским субстратом, влияние которого отличается от воздействия соседних картвельских языков [3, № 4, с. 63]. Методические основы исследований Деетерса критикует Фогт [4, 5], указывающий на наше недостаточное знание "армянской и картвельской языковой истории до начала письменной традиции" [5; 6, с. 470 и сл.]. Кроме того, он подчеркивает, что результаты интерференции, языковых контактов касаются не только армянского, но и картвельских языков: "вероятно, в этот период, длившийся более тысячи лет, произошло взаимовлияние двух языков с очень различными структурами, воздействие не одностороннее, а взаимное" [6, с. 471].

Упомянутые исследования, ставящие акцент на сопоставлении картвельского и армянского языков, занимают среднюю позицию в отношении возраста и объема сравниваемых моделей. К еще более раннему периоду древней истории относится доказательство наличия южнокавказских заимствований с тазско-мегрельским (занским) звуковым развитием в армянском языке, например:

(1) лазск. *mčaž-i*, мегр. *čanži* "муха" : груз. *mčeg-i* > арм. *čanj*, *čanč* (-i-основа); зан. **čipuri* : груз. *čirpli* "слизь глазных желез" > арм. *čipr*, *čpr* "гноеточивость глаз".

Занский звуковой облик этих примеров доказывает, что заимствование могло произойти лишь после относительно позднего вычленения мегрельского и лазского из картвельского, или южнокавказского. Это наглядно демонстрирует генеалогическое древо Деестерса, которое позволяет видеть раннее отпочкование сванского и позднее разделение грузинского и занского (ср. [7, с. 13; 8, с. 138 и сл.; 9, с. 17; 10, с. 3]).

Капанян датирует армянско-занские языковые контакты XV в. до н.э., когда армяне, согласно его теории, были на северо-востоке Малой Азии, в стране *Hayasa-Azzi*, западными соседями занов, т.е. лазов и мегрелов¹. Теория Капаняна об армянско-занских языковых контактах в XV в. до н.э. находится в противоречии с датировкой, которую дал Климов модели филиации языков Деестерса: отщепление сванского в XIX в. до н.э., отделение грузинского и занского в VIII в. до н.э. [9, с. 35]. Это означает следующее: либо занский язык как языковое единство еще не существовал в XV в. до н.э., либо данные Климова, полученные на основе глоттохронологии, подлежат уточнению.

Идентификацию названия страны *Hayasa*, которое засвидетельствовано в хеттских клинописных текстах XIV—XIII вв. до н.э., с самоназванием армян *Hay* (мн. число *Hay-k'*), ставшим известным двумя тысячами лет позднее, впервые предпринял П. Кречмер [16]. Гамкрелидзе/Иванов [17, с. 912 и сл.; 18, с. 58] принимают эту этимологию и трактуют название *Hayasa* как посессивное производное на *-s(s)a* от этимона², наличествующего в армянском *Hay*. С другой стороны, они оставляют открытым вопрос о том, следует ли отождествлять жителей *Hayasa* с протоармянами. В противовес этому Г.Б. Джаукян [19, с. 31] склоняется в пользу армянско-картвельских языковых контактов в XIV—XIII вв. до н.э. На основе двустороннего лексического взаимовлияния армянского и анатолийского, а также южнокавказского занского, при использовании армянских заимствований из аккадского и хурритского он приходит к заключению, что "вероятность армянско-картвельских языковых контактов в период *Hayasa* достаточно велика". Этимологии, предложенные Джаукяном, включают малоазийские названия, для которых постулируется армянское происхождение [19, с. 28 и сл.] — наименования божеств, лиц, локальные наименования, а также гидронимы и оронимы. Работа могла бы иметь далеко идущие последствия как для истории армянского языка, так и для истории картвельских языков. Вот почему необходимо произвести точную проверку отдельных данных.

Теории вычленения н.-е. языков³, возникшие в последние годы, отсылают нас в более ранний период, предшествующий прямым картвельско-армянским языковым контактам. Среди них моделям М. Гимбутас, а также Т. Гамкрелидзе/Вяч. Иванова⁴ принадлежит особое место.

¹ Ср. [11; 12, с. 153]. По вопросу о *Hayasa-Azzi* как государстве, зависимом от великого царства хеттов см. [13, с. 102; 14, с. 45]. Дьяконова [14, с. 115] отрицает всякую связь между *Hayasa* и армянами; ср. также [15, с. 107].

² К вопросу о дальнейших названиях армян (др.-перс. *Armīna-*, ассир. *Urume*, урарт. *Urme* IX в. до н.э.), *Hay* < **Hato* : *Hatti* — ср. [20, с. 36; 21, с. 18]; [14, с. 115] идентифицирует протоармян с *Muški*, упоминаемыми в ассирийских источниках с XII в.

³ По вопросу о более ранних теориях ср., например [22—24].

⁴ Ср. библиографию, данную в работе Скопал/Поломэ [25, с. 384—396], и обобщение, сделанное Гимбутас [26, 27]. Ср. также [17, 18] и критику по этому вопросу [28; 29, с. 17]. Ср. также [30, 31] с критикой в трудах [32; 29, с. 10; 33, с. 177] и др. работы

"Курганная теория"³, выдвинутая Гимбутас в многочисленных статьях начиная с 1956 г., делает различие между неиндоевропейской, матриархальной, крестьянской культурой, характерной для Европы периода неолита и медного века (6500—3500), и индоевропейской, патриархальной курганной культурой, носители которой, так называемые "днепровско-волжские степные пастухи" [27, с. 5], в степях северного Причерноморья и на восток почти до низовий Волги вели в основном кочевой образ жизни. Между концом V тыс. и началом III тыс. носители курганной культуры несколькими волнами (4400—4200, 3400—3200, 3000—2800) расширили ареал своего обитания. В Европе это привело к образованию суперстрата и языковой индоевропеизации прежнего доиндоевропейского населения. Центральная Европа, частично индоевропеизированная после второй волны, консолидировалась в виде вторичной индоевропейской прародины, прежде чем вследствие вторжения третьей курганной волны днепровско-волжских степных пастухов в восточную часть Центральной Европы, Северо-Восточную Венгрию и Болгарию появились новые перемещения: носители центральноевропейской культуры сдвинулись на северо-запад и северо-восток (поздняя культура амфорной шнуровой керамики), а также на запад, юг и юго-восток (позднее движение Баден-Вучедол в Италию, Албанию, а также, возможно, до Пелопоннеса) [27, с. 7].

К критике теории Гимбутас: она причисляет греков наряду с германцами и балтами к рано вычленившимся южным и северным племенам европейских индогерманцев, тогда как армяне (яместе с кельтами, италиками, венетами, иллирийцами, фригийцами, славянами и албанцами) отнесены к центрально-европейскому ядру, которое, наверное, распалось лишь около 1500 г. до н.э. [27, с. 7]. Следовательно, эта модель подразумевает раннее отделение греков от армян, что, как представляется, невозможно из-за наличия многочисленных изоглосс между греческим и армянским языками. Согласно модели Гамкрелидзе/Иванова, о которой сейчас пойдет речь, прародиной протоиндоевропейцев следует считать Восточную Анатолию южнее Закавказья и вплоть до верхней Месопотамии [35, с. 30]. В течение V и IV тыс. до н.э. существовали контакты между индоевропейцами и носителями неиндоевропейских языков, особенно картвельского и семитского [35, с. 30]. Основой этой гипотезы являются прежде всего системы согласных, реконструированные авторами для трех языковых семей с глоттализованной смычной, звонкой и глухой сериями. Это предположение для протоиндоевропейского разделяется не всеми⁴. Для картвельского и индоевропейского Гамкрелидзе и Мачавариани еще в 1965 г. (ср. [38], а также [39]) реконструировали изоморфные структуры в системе сопантов, а также в расположении корня и аффикса. Впрочем, нелегко судить об эвристической выразительности этой реконструкции: "типологический сравнительный материал тем доказательнее, чем менее универсальны... изоморфные структуры. Но решение этого вопроса предполагает знакомство более чем с двумя языковыми системами" [40, с. 267] (ср. по этому вопросу [41, с. 70]). Естественно поэтому, что Гамкрелидзе и Иванов подкрепляют утверждение о соседстве, постулированном для картвельского, семитского и н.-е. языков до начала письменности, путем доказательства взаимных лексических заимствований:

(2) н.-е. < семит. : *t^h/auro- "бык" : *tawru-; *g^h/ait'- "козленок, коза" : *gadju-; *ag^h/no- "ягненок" : *iglu; *b^h/ar(s) "зерно, крупа" : *b-r(r); карт. < н.-е. : *uγ-el- "иго, ярмо" : *yuk'-om; *e-sw- "дикий кабан, свинья" : *su-; *diqa "глина" : *d^h/eg^h/-om "земля"; *gen-/ *gn- "слышать, понимать, распознавать" : *k'en-/ *k'n-; *ek^hsw "шесть" : *s^oek^h/s- и т.д. [35, с. 14 и сл.].

³ Теория оказала значительное влияние на нынешнюю дискуссию; ср., например [30; 34, с. XXIV; 29, с. 9].

⁴ Ср., например [36, с. 132]: "С точки зрения диахронической типологии традиционная модель имеет преимущество использования очень хорошо засвидетельствованных типов изменений гласных, а воображаемая модель оказывается в проигрыше из-за недостатка доказательств процессов, которые провозглашаются универсальными". Из последних работ см. [37].

Хотя точная реконструкция предполагаемых процессов заимствования, в том числе с позиций звуковых законов, исключительно трудна⁷ и следовало бы прежде всего больше учесть распределение материала по отдельным языкам трех языковых семей, приведенные примеры из семантических полей названий животных, овощей, орудий, а также числительных [35, с. 15] заслуживают дальнейшего анализа и проверки.

Предполагаемая Гамкрелидзе и Ивановым протонидоевропейская прародина в Восточной Анатолии, на Южном Кавказе и в Северной Месопотамии имеет последствия для реконструкции вычленения дочерних и.-е. языков, которая намечена в последовательности анатолийского, восточноиндоевропейского (т.е. индоиранского, греческого, армянского, фригийского), тохарского, европейских языков (т.е. кельтского, иллирийского, германского, балтийского и славянского). Эта модель требует обсуждения, а также модификации, так как, например, кельтский проявляет некоторые инновации, сближающие его с восточноиндоевропейскими языками⁸.

Теория восточноанатолийской прародины индоевропейцев заставляет предположить, что греческо-армянские изоглоссы образовались уже после отделения индоиранцев от восточноиндоевропейской языковой группы в Малой Азии [18, с. 52]. Этому выводу противостоит известная цитата из Геродота, 7, 73, который повествует о происхождении фригийцев из Европы, а армян определяет как потомков фригийцев: "По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались бригами. А после переселения в Азию они вместе с переменной местопребывания изменили и свое имя на фригийцев. Армении же, будучи переселенцами из Фригийской земли, имели фригийское вооружение" (пер. Г.А. Стратановского). Фригийское происхождение армян подтверждается Евдоксом (у Стефана Византийского под словом *Armenii*): "Армении были родом из Фригии и язык их по звучанию напоминал фригийский", тогда как Платон (Кратил, 410) указывает на греческо-фригийские совпадения в названиях огня, воды и суки: «Взгляни теперь, может быть, и это имя — "огонь" — варварское? Ведь эллинскому наречию и справиться с ним нелегко, да к тому же известно, что так его называют фригийцы, лишь немного отступая от этого произношения; то же самое относится к именам "вода", "собака" и многим другим» (пер. Т.В. Васильевой). Последняя цитата согласуется с исследованием фригийского и греческого, представленным недавно Нойманом, где фригийско-греческие языковые контакты делятся на пять периодов [44, с. 5]:

- (3) 1) Доисторическая эпоха на Балканах,
- 2) Микенская эпоха греческого языка,
- 3) Переселение и новое название земли фригийцев, включая время фригийского царства.
- 4) Эллинизация Малой Азии,
- 5) Фаза упадка фригийского во времена Римской империи.

Если сделать выводы из историкографических замечаний первой части нашего анализа, то из них следуют две постановки вопроса:

1. Вопрос о лингвистической предыстории армянского и картвельского, т.е. попытка описания структур обоих языков ко времени армянской колонизации

⁷ Ср. точку зрения Дьяконова [42, с. 61], который расценивает "лексические изоглоссы" из области «основного словарного фонда типа **dew-* · **dw-* "лежать, положить"; **lag-* · **lg-* "класть, связать"; **gen-* · **gn-* "понимать, слышать"; **zixl* "кровь"; **m-k'erd* "грудь"» как "очевидность косвенного родства между протонидоевропейским и протокартвельским".

⁸ С этими признаками связано относительное предложение, образованное с помощью **uoz* (с параллелями в индоиранском, греческом, фригийском и славянском), древнеирландское образование будущего времени при помощи редупликации, соответствующее деизидеративу в индоиранском, а также будущее время с основой на **syē-/yo-*, засвидетельствованное в галльском (*Chamalières*) с параллелями в индоиранском, балтийском, славянском, возможно, также в греческом; ср. [43, с. 241, 245].

неиндоевропейского урартско-хурритского царства вокруг озера Ван на рубеже VII—VI вв. до н.э.⁹

2. Проблема того, в какой степени признаки картвельского и армянского языков можно интерпретировать как результат картвельско-армянского языкового смешения или интерференции.

1. Лингвистическая предыстория армянского и картвельского языков

а) Армянский. После того как Г. Хюбшман в 1875 г. доказал самобытный характер армянского языка как особого индоевропейского, Х. Педерсен так определил его положение внутри и.-е. языковой семьи: 1) "армянский язык ни с одним языком не сближается так явно, как с греческим" [46, с. 443]; 2) "армянский язык среди живых ответвлений индоевропейских языков имеет близкородственные отношения примерно с трех сторон: на западе он сближается с греческим, на востоке с индоиранским, на севере с балто-славянским. Если бы албанский язык... дошел до нас в более полном виде, по всей вероятности, он был бы значительно ближе к армянскому, чем к балто-славянскому" [47, с. 225]. Теории Педерсена позднее были подтверждены исследованиями других ученых — в их числе Бонфанте [48, 49; 22, с. 157 и сл.; 50, с. 73 и сл.] и Джаукян [51]¹⁰. Особое значение при определении позиций армянского придается протетическому гласному (ср. по этому вопросу недавно [54]), а также аугменту. Первое явление ограничивается фригийским, армянским и греческим; второе можно обнаружить также в индоиранском.

(4) Фриг. авар "мужчина", арм. *aur*, греч. *ἀνὴρ* против вед. *nar-*, албан. *njer* и т.д.; др.-фриг. *ēdaz* "ἀνέστηξε" против хет. *dāiš*, арм. *eber*, греч. *ἔφερε*, др.-инд. *abharat* < **e-bher-et*.

Если принять во внимание расхождения во времени письменной фиксации упомянутых языков

(древнефригийские надписи датируются примерно 800—600 г. до н.э.¹¹), то можно прийти к выводу, "что совпадения между этими языками являлись более обширными в доисторическое время, но впоследствии были затемнены более поздними инновациями. Иначе говоря, можно сказать, что не зафиксированный на письме армянский язык XV в. до н.э., очевидно, имел более тесные связи с греческим и индоиранским, чем исторически засвидетельствованный армянский V в. н.э." [20, с. 39]. При анализе армянского языка времени появления письменных источников необходимо, таким образом, считаться с тремя факторами: 1) с его исходным базисом среди и.-е. языков, отмеченным на схеме № 5; 2) с процессами языковых изменений, которые произошли в последующие периоды под влиянием анатолийского, семитского и древнемалоазийского язы-

⁹ Ср. [45, с. 113]: «.. последний царь Урарту, Руса III (605—590) "сын Эрменю", был в действительности армянским узурпатором». О предыстории армян в связи с хурритами, урартами, лувийцами ср. в особенности [14, с. 128 и сл.]

¹⁰ Ср. также [20, 52]. Некоторые авторы высказываются об отношении фригийского к армянскому следующим образом, ср. [53, с. 37; 15, с. 106 и сл.].

¹¹ Ср. [55, с. IX; 56]

ков¹²; 3) с явлениями интерференции, которые здесь необходимо рассмотреть и которые, быть может, объясняются влиянием картвельских языков.

б) **Картвельский.** Все попытки объединить южнокартвельские языки более крупными генетическими связями с другими языковыми семьями до сих пор не приводили к сколько-нибудь существенным результатам. К сравниваемым с ними языковым семьям относятся, в частности, восточно- и/или западнокавказские языковые группы, баскский язык, так называемые ностратические языки или постулируемые палеокартвельские субстраты в и.-е. языках¹³. Среди характеристик южнокавказских языков необходимо назвать следующие¹⁴: в области фонологии южнокавказские вместе с восточно- и западнокавказскими языками имеют дифференциацию системы смычных согласных по трем артикуляционным классам, или сериям, — субглоттальные (глухие придыхательные), супраглоттальные (глухие с гортанной смычкой) и звонкие. Эти серии коррелятивно разделены на шесть—семь рядов по месту артикуляции. Южнокавказские языки располагают сформировавшейся системой сонантов [38, 39]. Соответствия грузинских *li-*, *za-* (префиксов для образования отглагольных имен) сванским *li-*, *la-* позволяют предположить доисторическое существование латерального спираанта [7, с. 50]:

(6) Груз. *sa-kaṭme* "курятник" : сван. *la-ktalar*; груз. *sa-ṭexi* "резец, зубило" : сван. *la-ṭxi*; груз. *sze* (> *rze*) "молоко" : сван. *laṣe*; *zi-* (префикс) : *li-* и т.д.

В синтаксическом отношении картвельские языки следуют модели, характерной также для восточно- и западнокавказских языков, состоящей из переходной эргативной конструкции (№ 13), непереходной конструкции с грамматическим подлежащим в неопределенном или именительном падеже и конструкции, выражающей состояние с пассивным подлежащим в косвенном падеже — в южнокавказских это дательный. Впрочем, переходная эргативная конструкция в южнокавказских языках ограничена системой аориста, тогда как в системе презенса она заменена переходной номинативной, а цель выражена дательным падежом вместо отсутствующего винительного (№ 13). Эта смена падежного управления, которой, очевидно, способствовал несовершенный вид системы презенса [68], является отличительной чертой южнокавказских языков. У лингвистов нет единого мнения насчет доисторической реконструкции предикативной синтагмы, усматриваемой Климовым в активном языковом типе: "все соответствующие факты иллюстрируют собой процесс преобразования активной типологии непосредственно в номинативную, т.е. без посредства эргативной ступени" [69, с. 165]. Но эту теорию нельзя доказать. С одной стороны, такие явления, как согласование, сохранившееся в системе древнегрузинского аориста между глагольным суффиксом мн. числа *-(e)n-* и показателем грамматического именительного/неопределенного падежа, подтверждают более старую эргативную конструкцию [67, с. 253] типа

(7) *vaṣarman roṇ-n-a margaliṭ-n-i* "купец нашел жемчуг",

а с другой стороны, сочетание эргатива с непереходным аористом типа

(8) *zaṭlma daiḡera* "собака залаяла"

в грузинском и лазском [70] объясняется аналогичным переносом эргатива с переходной конструкции на непереходную. В мегрельском этот процесс привел к обобщению эргатива на *-k* в рамках всей системы аориста:

¹² К вопросу о языковых контактах ср. [14, 51]: *Hayasa-* армянские наименования (имена лиц, богов, локальные имена); армянские заимствования из анатолийского; хеттские заимствования из армянского; древнемалоазийские имена из армянского; армянские заимствования из хурритского и аккадского; аккадские заимствования из армянского; армянские заимствования из древнеиндийского; грузинско-засские заимствования из армянского; армянские заимствования из грузинско-засского. По вопросу анатолийского субстрата ср. [57; 17, с. 912 и сл.]; о хурритско-урартских заимствованиях ср. [58].

¹³ Ср. ссылки, данные в трудах [59; 60, с. 76—79; 61, с. 114—118; 8, с. 92—93; 62, с. 763—764; 63, 64].

¹⁴ Ср. [65—67].

(9) Мегр. перех. аорист *xuro-k 'ude kodaagu* "плотник построил дом/один, какой-то дом" > неперех. аорист *iši tuma-k doγuru* "его отец умер" [71, с. 104].

Кроме того, А. Хэррис [72, с. 294] установила для грузинского, что связь эргатива и непереходного аориста сконцентрирована на определенном семантическом содержании, т.е. на "глаголах, выражающих движение на одном месте..., произведение шума, звука..., передвижение с одного места на другое... и другие действия".

Что касается морфологии, то агглютинирующие признаки появились в южнокавказских языках лишь в ходе языкового развития. На это указывают следующие моменты: а) символическая техника системы аблаута, исследованной прежде всего Гамкрелидзе/Мачавариани [38]; б) двоякая флексия мн. числа древнегрузинского существительного с им. падежом на *-i* и косвенным на *-ia* [67, с. 251 и сл.]. Мн. число косв. падежа на *-ia* подтверждает между тем существование "эргатива, совмещающего функции и другого падежа"¹⁵. Этот эргатив еще сохранился как архаизм в сванском падеже на *-(a)d* (с адвербиальной и эргативной функциями)¹⁶.

Таким образом, наконец мы можем перейти к вопросу о том, насколько допустимо интерпретировать признаки картвельского и армянского как результат картвельско-армянского языкового смешения или интерференции. Рассмотрение вопроса, ограниченное обсуждением некоторых примеров, можно разделить на два пункта: а) признаки картвельского воздействия в армянском; б) признаки армянского воздействия в картвельском.

а) Признаки картвельского воздействия в армянском обнаруживаются в занских заимствованиях под № 1, у которых в группах типа "смычный + *r*" появляется метатеза. Деестерс наблюдал то же самое звуковое изменение в мегрельских заимствованиях из грузинского:

(10) Арм. *elbayr* "брат" : др.-инд. *bhrātar-*; арм. *surb* "святой" : др.-инд. *subhra-*; арм. *erkan* "мельничный жернов" : др.-инд. *grāvan-*; арм. *k'irtn* "пот" < **swid-r-* : греч. ἰδρώς; мегр. *borbi* "светловолосый" < груз. *bobri*; *mardi* "милость, милосердие" < **madri* < *madli*; *terti* "белый" < *tetri*; *orko* "золото" < *okro* и т.д.

Осетинские параллели к этой метатезе скорее следует объяснять специфически иранским звуковым развитием, так как они засвидетельствованы, например, в согдийском и скифо-сарматском. Метатеза в группах типа "согласный + *r*" вообще является широко распространенным процессом¹⁷.

(11) Осет. диг. *furt*, ирон. *fərt* "сын", скифо-сармат. Φούρτας PN : авест. *puṣrō*, др.-инд. *putrá-*; осет. *ærvad(æ)* "родственник, брат" : авест. *brātat-*, др.-инд. *bhrātar-*; ср. арм. *elbayr* (№ 10).

Переходный древнеармянский перфект с целью в вин. падеже и агенсом в род. падеже, не имеющий единого толкования, обнаруживает в синтаксическом отношении типологическую параллель в так называемой нейтральной конструкции хинди, основу которой образует выполняющее нейтральную функцию 3 лицо ед. числа муж. рода страд. причастия прош. времени (part. perf. pass.). Агенса при этом стоит в падеже, именуемом эргативом, а цель — в косв. падеже.

(12) Др.-арм. *nora* (род. п. агенса) *gorceal ē* ("сделана") *z-gork* (вин. п. цели) "он сделал работу"; хинди *larṁi ne* (эргатив агенса) *mā ko* (косв. п. цели) *dekhā* ("увиденный") "девочка видела свою мать".

Несмотря на различные другие попытки объяснения¹⁸, для армянского не-

¹⁵ По вопросу о терминологии, введенной И.И. Мещаниновым, ср. [73, с. 13].

¹⁶ Ср. [74, с. 135; 66, с. 129 и сл.].

¹⁷ Ср. [75, с. 33 и сл.; 76, с. 167; 77, с. 395; 78, с. 118] См также развитие сочетаний *er, el, or, ol* в тавтосиллабической позиции в славянском

¹⁸ Из недавних работ ср. [79, с. 83 и сл.; 80].

обходимо, на мой взгляд, в дальнейшем обсудить следующую концепцию: "Переходная армянская категория перфекта была воспринята как эргативная конструкция (ЭК) и затем преобразована в направлении номинативной конструкции (НК) с целью в винительном падеже вместо именительного/неопределенного. Тенденции перехода ЭК в НК широко распространены в соседних кавказских языках и особенно четко проявляются в имперфектной южнокавказской системе презенса" [81, с. 286], ср. также [68, с. 164 и сл.].

(13) Груз. аорист *monadirem* (эрг. п.) *moqla iremi* (им. п.) "охотник убил оленя" по сравнению с презенсом *monadire* (им. п.) *klavs irems* (дат. п.) [82, с. 129 и сл.]; сван. *Aslan-marza-d* (эрг. п.) *par anqerne* [83, с. 132, 15] "Аслан-мурза привел священника" по сравнению с презенсом *lori žižwars* (дат. п.) *axwrijelālix i ižwnix zurālēl* (им. п.) [84, с. 5, 17 и сл.] "собрать кости от окорока (дополнение) и сохранить для женщин".

Тенденции выравнивания в занских языках позволяют обнаружить выходящее за рамки южнокавказской модели № 13 стирание унаследованных надежных расхождений: в мегрельском эргатив на *-k* распространился с переходного аориста на непереходный (см. № 9), что привело к единообразию переходного и непереходного подлежащего в системе аориста, — по аналогии с завершившимся еще в пракартвельском выравнивании в системе презенса. Подобное развитие можно теперь констатировать как тенденцию в древнеармянском перфекте: при этом речь идет об аналогичном переносе подлежащего в род. падеже из переходных синтагм (№ 12) на непереходные, который замечен преимущественно у "семантически активных" глаголов движения¹⁹:

(14) *ew anceal and ayn Yisusi* (род. п.) *etes zayr mi* Mt. 9, 9 Καὶ παράγωον δ' Ἰησοῦς ἐχέσθην ἄνθρωπον; *sneal Ormazdi* (род. п.) *...ekn ekaç araji Zruanay* Ezr. 1, 14 "когда Ормизд был рожден, ... он пришел и предстал пред Зрваном" [86, с. 177].

И напротив, в лазском языке актанты эргатив (как агенс) и именительный/неопределенный (как цель) были перенесены с переходного аориста на переходные системы презенса и перфекта, что привело к унификации подлежащих и дополнений при переходных глаголах всех серий.

(15) Аорист *ust-ak doqodu oxori* "плотник построил дом" → презенс *usta-k kodums oxori*; перфект *usta-k doqodudoren oxori* [71, с. 103].

б) Армянские явления интерференции в картвельском ясно обнаруживаются на лексическом уровне. В некоторых случаях заимствование в грузинский произошло до начала действия армянских звуковых законов, так что заимствования имеют особенно архаичный звуковой состав, например, в единицах, упомянутых Джаукяном [87]. Эти языковые единицы пришли в грузинский еще до появления законов конца слова в армянском языке²⁰:

(16) Груз. *erdo* "плоская крыша, дымоход" (мегр. *erdoba* "селение-новостройка") < протоарм. **erdo*:- др.-арм. *erd. ou*- "отверстие в крыше, крыша; дом, двор"; груз. *mdelo* "луг" < протоарм. **delo*:- др.-арм. *del. -ou* "трава; лекарство, лечебное средство" [87].

Систематическую обработку картвельских заимствований из армянского еще только предстоит совершить.

На грамматическом уровне имеется ряд признаков, которые сближают картвельский с более древними и.-е. языками в типологическом отношении. Наряду с уже упомянутыми изменениями сюда относятся, в частности, переходные глаголы (особенно в презенсе); развитие системы страдательного залога, неожиданное для эргативного языка, ср. [7]; система вида, базирующаяся на противопоставлении перфективного аориста и имперфективного презенса [65, 88]; семантические совпадения между категорией *sataviso* и и.-е. средним залогом

¹⁹ Ср. [85, с. 107; 81, с. 286 и сл.].

²⁰ Ср. также [8, с. 96].

[89] и также употребление союзных и относительных придаточных предложений [90 с 16])

В настоящее время, очевидно трудно установить обусловлено ли наличие этих "некавказских" признаков армянским влиянием или же источником его могли быть другие индоевропейские языки — киммерийский, скифский [90, с 16] азиатский [91]. Во всяком случае установлено что рассмотренные признаки сформировались не в древнейший период развития и-е языков, поскольку некоторые из них уже нельзя объединить с типом индоевропейского как активного или эргативного языка (ср например [68, 17 с 267 и сл.]) Кроме того, они предполагают завершившееся развитие системы вида Эти признаки, не совместимые с кавказским типом никак не затрагивают, следовательно, теорию Гамкрелидзе Иванова о раннем картвельско-индоевропейском соседстве

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Arens H* Sprachwissenschaft Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart Freiburg München 1955
2. *Майр Н Я* Грамматика пренеармянского языка СПб 1903
3. *Deeters G* Armenisch und Südkaukasisch // *Caucasica* 1926 № 3 1927 № 4
4. *Vogt H* Armenien et Caucasicque du Sud // *NTS* 1938 9
5. *Vogt H* Armenien et Géorgien // *Handes Amstora* 1961 10—12
6. *Vogt H* Linguistique caucasienne et arménienne // *Studia Caucasologica II* / Ed by Hovdhaugen E and Thordarson F Oslo 1988
7. *Schmidt K H* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der sudkaukasischen Grundsprache Wiesbaden 1962
8. *Schmidt K H* Grundlagen und Probleme der kartvelischen Etymologie // *Этимологические разыскания* / Под ред Ломтатидзе К Тбилиси 1989
9. *Климов Г А* Этимологический словарь картвельских языков М 1964
10. *Фенрих Х* *Сарджвладзе З А* Этимологический словарь картвельских языков Тбилиси 1990 (на груз. яз.)
11. *Канацки Г* О взаимоотношении армянского и тазо-мегрельских языков Ереван 1952
12. *Godel R* Diachronic Armenian // *Current trends in linguistics 6* / Ed by Sebeok Th A The Hague Paris 1970
13. *Goetze A* Kleinasien (Handbuch der Altertumswissenschaft III 13312 Aufl) München 1957
14. *Diakonoff I M* The pre history of the Armenian people Delmar New York 1984
15. *Polomé E C* // *AArmL* 1987 8 Rec Diakonoff I M The pre history of the Armenian people
16. *Kretschmer I* Der nationale Name der Armenier // *Anzeiger d Akad d Wiss in Wien Philos hist Klasse* 1932 69
17. *Гамкрелидзе Т В* *Иванов В И* Индоевропейский язык и индоевропейцы Ч 1—2 Тбилиси 1984
18. *Gamkrelidze T V* *Ivanov V I* The migrations of tribes speaking the Indo European dialects from their original homeland in the Near East to their historical habitations in Eurasia // *JILS* 1985 13
19. *Djahukian G B* Did Armenians live in Asia Anterior before the twelfth century B C? // *When worlds collide The Indo Europeans and the Pre Indo Europeans* / Ed by Markey J L Greppin J A C Ann Arbor (Michigan) 1990
20. *Schmidt K H* Armenian and Indo European // *First international conference on Armenian linguistics Proceedings* / Ed by Greppin J A C Delmar New York 1980
21. *Schmitt R* Grammatik des Klassisch Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen Innsbruck 1981
22. *Porzig W* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets Heidelberg 1954
23. *Die Urheimat der Indogermanen* / Hrsg von Scherer A Darmstadt, 1968
24. *Thieme P* Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache // *AAWI* 1954 № 11
25. *Skomal S N* *Polomé E C* Proto Indo European The archaeology of a linguistic problem // *Studien in honor of Marija Gimbutas* Washington 1987
26. *Gimbutas M* Old Europe in the fifth millennium B D The European situation on the arrival of Indo Europeans / *The Indo Europeans in the fourth and third millennia* / Ed by Polomé E C Ann Arbor Michigan 1982
27. *Gimbutas M* Remarks on the ethnogenesis of the Indo Europeans in Europe // *Ethnogenesis europäischer Völker* / Hrsg von Bernhard W Kandler Pálsson A Stuttgart New York 1986
28. *Diakonoff I M* On the original home of the speakers of Indo European // *JIFS* 1985 13
29. *Meid W* Archäologie und Sprachwissenschaft Kritisches zu neueren Hypothesen der Ausbreitung der Indogermanen // *IBS Vorträge und Kleinere Schriften* 1989 43
30. *Adrados F R* Die räumliche und zeitliche Differenzierung des Indoeuropäischen im Lichte der Vor- und Frühgeschichte // *IBS Vorträge und Kleinere Schriften* 29 Innsbruck 1982
31. *Renfrew C* Archaeology and language The puzzle of Indo European origins I 1987

- 32 Szemerényi O Concerning Professor Renfrew's views on the Indo European homeland // *TPhS* 1989 87 (2)
- 33 Mallory J P In search of the Indo Europeans Language archaeology and myth I 1989
- 34 The American Heritage dictionary of Indo European roots / Ed by Watkins C Boston 1985
- 35 Gamkrelidze T V Ivanov V V The ancient Near East and the Indo European question Temporal and territorial characteristics of Proto Indo European based on linguistic and historico cultural data // *JIES* 1985 13
- 36 Joh M Sound change typology and the Ejective model // *The new sound of Indo European Essays in phonological reconstruction* / Ed by Vennemann Th B N Y 1989
- 37 Djahukian G B A variational model of the Indo European consonant system // *IHS* 1990 103/1
- 38 Гамкрелидзе Т В Мачавариани Г Н Система сонантов и аблаут в картвельских языках Гбн лиси 1965 (на груз яз)
- 39 Gamkrelidze T V *Mačavariani G I Sonantensystem und Ablaut in den Kartwelsprachen* / Ins Deutsche übersetzt bearb. und mit einem Nachwort versehen von Boeder W Tübingen 1982
- 40 Schmidt K H Sprachstruktur und Sprachbund // *BK* 1971 28
- 41 Harris A C Kartvelian contacts with Indo European // *When worlds collide The Indo Europeans and the Pre Indo Europeans* / Ed by Markey T L Greppin J A C Ann Arbor (Michigan), 1990
- 42 Diakonoff I M Language contacts in the Caucasus and the Near East // *When worlds collide The Indo Europeans and the Pre Indo Europeans* / Ed by Markey T L Greppin J A C Ann Arbor (Michigan) 1990
- 43 Schmidt K H On the reconstruction of Proto Celtic // *Proc. of the First North American congress of Celtic studies* / Ed by MacLennan G W Ottawa 1988
- 44 Neumann G Phrygisch und Griechisch // *AOAW* 1988 499
- 45 Long D Armenia cradle of civilization 2 ed., cor L., 1978
- 46 Pedersen H Armenisch und die Nachbarsprachen // *KZ* 1906 39
- 47 Pedersen H Armenier B Sprache // *Reallexikon der Vorgeschichte* / Hrsg von M Ebert V I B 1924
- 48 Bonfante G Les isoglosses gréco arméniennes I Faits phonétiques // *Mélanges linguistiques offerts à M Holger Pedersen København Aarhus, 1937*
- 49 Bonfante G The place of Armenian among the Indo European languages // *AION* 1982 4
- 50 Solta G R Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen Wien 1960
- 51 Djahukian G B The position of Armenian in the Indo European languages // *First international conference on Armenian linguistics Proceedings* / Ed by Greppin J A C Delmar New York 1980
- 52 Schmidt K H The Indo European basis of Proto Armenian Principles of reconstruction / *AArmL* 1990 11
- 53 Schmidt R Die Erforschung des Klassisch Armenischen seit Meillet (1936) // *Kratylos* 1972 17
- 54 Olsen B A On the development of Indo European prothetic vowels in Classical Armenian // *REArm NS* 1985 19
- 55 Brüche C Lejeune M Corpus des inscriptions paléo phrygiennes I—II P 1984
- 56 Diakonoff I M *Neroznak V P Phrygian Delmar New York 1985*
- 57 Greppin J A C The Anatolian substrata in Armenian An interim report // *AArmL* 1982 3
- 58 Diakonoff I M Hurro Urartean borrowing in Old Armenian // *JAOS* 1985 105
- 59 Deeters G Bemerkungen zu K Boudas Südkaukasisch — nordkaukasischen Etymologien // *Die Welt des Orients* 1957 4
- 60 Deeters G Die kaukasischen Sprachen // *Armenisch und Kaukasische Sprachen* / Ed by Spuler B Leiden Köln 1963
- 61 Schmidt K H The two Ancient Iberias from the linguistic point of view // *Actas del IV Coloquio sobre lenguas y culturas preromanas de la Peninsula Iberica Victoriaco Vasconim Veleia* 2—3 1987
- 62 Schmidt K H Principios y problemas de etimología kartvélica Anuario del Seminario de Filología Vasca Julio de Urquijo // *Intern journal of Basque linguistics and philology (ASIU)* 1989 23 (3)
- 63 Schmidt K H // *IBS* 1975 10 Rec Doerfer G Lautgesetz und Zufall Betrachtungen zum Omni comparativismus
- 64 Шмидт К Х Типологическое сопоставление систем картвельского и индоевропейского глагола // *ВЯ* 1984 № 3
- 65 Schmidt K H On aspect and tense in Old Georgian // *FoSl* 1984 7
- 66 Schmidt K H Zur relativen Chronologie in den Kartwelsprachen // *HS* 1989 102
- 67 Schmidt K H Die kartwelschen Sprachen genetisch und typologisch gesehen // *HS* 1989 102
- 68 Schmidt K H Ergativkonstruktion und Aspekt // *Studia linguistica in honorem Vladimir I Georgiev Sofia* 1980
- 69 Климов Г А Введение в кавказское языкознание М 1986
- 70 Климов Г А Аномалии эргативности в лазском (чанском) языке // *Philologia Orientalis IV* In memoriam G V Tsereteli Tbilisi 1976 (на груз и русск яз)
- 71 Чикобава А Грамматический анализ чанского диалекта Тбилиси 1936 (на груз яз)
- 72 Harris A C Georgian and the unaccusative hypothesis // *Language* 1982 58
- 73 Чикобава А Проблема эргативной конструкции в иберийско кавказских языках // *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов* / Отв ред Жирмунский В А Л 1967
- 74 Климов Г А Склонение в картвельских языках в сравнительно историческом аспекте М 1962

15. Benveniste E. Etudes sur la langue ossète. P., 1959.
76. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.
77. Schmidt K.H. Ossetisch und Armenisch // Antiquitates Indogermanicae. Gedenkschrift für Hermann Güntert / Ed. by Mayrhofer M. et al. Innsbruck, 1974.
78. Biehlmeier R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt-am-Main; Bern; Las Vegas, 1977.
79. Stempel R. Die infiniten Verbalformen des Armenischen. Frankfurt-am-Main; Bern; New York, 1983.
80. Сахокия М.М. Поссесивность, переходность и эргативность. Типологическое сопоставление древнеперсидских, древнеармянских и древнегрузинских категорий. Тбилиси, 1985.
81. Schmidt K.H. Perfekt, Haben und Übergang von Ergativ- zu Nominativ-Konstruktion im Armenischen und Südkaukasischen // ВК. 1982. 40.
82. Чикобава А. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
83. Шанидзе А., Топурия В., Гуджеджиани М. Сванская поэзия. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).
84. Ошанин А. Сванские тексты на лашхском наречии // ММЯ. 9. Пг., 1917.
85. Traut K. Die Perfektperiphrase im Altkirchenslavischen und Altarmenischen. Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax // IF. 1968. 73.
86. Jensen H. Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959.
87. Джаукян Г.Б. Заметки о некоторых картвельско-армянских лексических совпадениях // ИКЯ. 1973. 18.
88. Schmidt K.H. On aspect in Old Armenian and Proto-Karvelian // AArmL. 1985. 6.
89. Schmidt K.H. Indogermanisches Medium und Sataviso im Georgischen // ВК. 1965. 19—20.
90. Deeters G. Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen // ВК. 1957. 23.
91. Gamkrelidze T.V. Anatolian languages and the problem of Indo-European migrations to Asia Minor // Studies in general and Oriental linguistics presented to Shirō Hattori / Ed. by Jakobson R., Kawamoto Sh. Tokyo, 1970.

Перевела с немецкого Ключева Т.В.